ГЛОБАЛЬНЫЙ диалог

2.1

Возвращение класса

Горан Терборн

(Не)Граждане Комтара

Айя Фаброс

Хаос порядка

Боавентура де Суса Сантос

> Гегемония английского языка

> Национальные социологии: Перу и Румыния

> Ульф Химмельстранд, 1924-2011

> Исторический угол: включение женщин

> Права человека: сопротивление патриархату в Армении

> Публичная социология: Взгляд из Южной Африки

> МСА: поддержка молодых социологов

> Женские миры

> Бразильское социологическое общество

NEWSLETTER

International Sociological Association

VOLUME 2 / ISSUE 1 / SEPTEMBER 2011

GDN

> ОТ РЕДАКТОРА

Я пишу эти строки в то время, когда ливийский порядок прекратил свое существование, и все думают о том, что же будет дальше, и не только с Ливией, но и с арабским миром в целом. Турбулентность приняла глобальный характер, и в этом выпуске Горан Терборн диагностирует неравенство на мировом уровне и постулирует возвращение классовой политики; Боавентура де Сауса Сантос анализирует волнения в Европе, уделяя особое внимание Англии; Ая Фаброс обрисовывает процесс формирования общин азиатских мигрантов в Малайзии. Гохар Шахназарян рассказывает о вызовах постсоветской реконструкции через борьбу женщин в разделенном войной регионе Южного Кавказа. Сквозь все статьи связующей нитью проходит тема лишений и отчетливо слышимый голос indignados.

«Глобальный Диалог» продолжает дискуссию о глобальной социологии с Ренато Ортисом, исследующим эффекты господства английского языка, а Ари Ситас и Сара Мосоеца представляют свою модель развития гуманитарных и социальных наук в Южной Африке. Николас Линч из Перу и Мариан Преда и Ливиу Челси из Румынии описывают, как социальные науки ведут борьбу с наследием репрессивных режимов.

На организационном фронте Дженнифер Платт реконструирует историю прогрессивного включения женщин в деятельность Международной социологической ассоциации (МСА). Элиза Рейс и Энн Дэвис рассказывают о двух ярких научных событиях: конгрессе Бразильского социологического общества и конференции «Женские миры». В этом выпуске мы также почтили память одного из замечательных руководителей МСА Ульфа Химмельстранда.

В начале мы представляли «Глобальный Диалог» скромным новостным бюллетенем, но он превратился в социологическое око, обозревающее важные аспекты нашей дисциплины и мира за ее пределами. Журнал выходит на одиннадцати языках, что является экстраординарным свершением наших редакторов и команд переводчиков, разбросанных по всей планете. Цифровые технологии делают возможным сегодня то, что вчера было невозможно представить, как, например, трансконтинентальные интервью с членами исполнительного комитета МСА – читайте на http://www.isa-sociology.org/journeys-through-sociology/

«Глобальный Диалог» доступен на Facebook и на сайте Международной социологической ассоциации.

> В этом номере

От редактора 2

>НЕРАВЕНСТВО И ПРОТЕСТ

Возвращение класса 3
(НЕ)Граждане Комтара 6
Хаос порядка 9

> ДЕБАТЫ О МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

The Hegemony of the English Language and the Social Sciences 11

> НАЦИОНАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИИ

Romanian Sociology: Rapidly Making Up for its Rocky Past 12
The Twists and Turns of Peruvian Sociology 13

> УЛЬФ ХИММЕЛЬСТРАНД, 1924-2011

Отец социологии в Нигерии 16
В Память об Ульфе Химмельстранде, бывшем президенте МСА 17

> Тематические колонки

Исторический угол: : Неравное включение женщин 8
Права человека: Вызов патриахату на Северном Кавказе 18
Публичная социология: Проект развития гуманитарных и социальных наук 20

ОТЧЕТЫ И КОНФЕРЕНЦИИ 21

Социологи в начале профессиональной карьеры в МСА 22
Женские миры 23

>Редакционный совет

Редактор: Майкл Буравой.

Редакторы-оформители: Лола Басуттилб Август Бага.

Заместители редактора: Маргарет Абрахам, Тина Уйс, Ракель Соза, Дженифер Платт, Роберт ван Крикен.

Члены совета:: Изабела Барлинска, Луи Шовель, Дилек Чиндоглу, Том Дуайер, Ян Фриц,Сари Ханафи, Хайме Хименес, Хабибул Хондекер, Саймон Мападименг, Ишвао Моди, Никита Покровский, Эмма Порио, Йошимичи Сато, Винета Синха, Беньями Тьерина, Чин-Чун Йи, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы:

Арабский мир: Сари Ханафи и Мунир Сайдани.

Бразилия: Гаставо Танигути, Джулиана Тонче, Педро Марчини, Фабио Сильва Цунода, Дмитри Чербончини Фернандес, Андреза Галли, Рената Баррето Претулан.

Индия: Ишвао Моди, Ражив Гуптаа, Рашми Джайн, Удай Синх.

Япония: Казухиса Ниширара, Мари Шиба, Йошия Шиотани, Коусуке Химено, Томохиро Таками, Нанако Хайями, Ютака Ивадате, Казухиро Икеда, Ю Фукуда.

Испания: Гизела Редондо.

Тайвань: Джинг-Мао Хо.

Иран: Рейхарех Джавади, Сагхар Бозорги, Шахрад Шахванд, Фаезех Эсмаэли, Джалал Каримян, Наймех Тахери.

Россия: Елена Здравомыслова, Елена Никифорова, Ася Воронкова.

Медиа-консультанты: Анни Лин, Хозе Регейра.

> Глобальное неравенство: Возвращение класса

Горан Терборн, Кембридж, ВБ, Университет Линнея, Швеция, член Программного комитета МСА по подготовке Всемирного социологического конгресса в Йокагаме

Бывший президент Мбеки не замечает вопиющую бедность в трущобах Йоганнесбурга.

Последние два десятилетия были успешными для бедных наций глобального мира. С конца 1980-х так называемая «развивающаяся Азия», в основном, Китай, Индия и страны АСЕАН, вдвое ускорили темпы экономического развития по сравнению со всем остальным миром. Страны Африки к югу от Сахары, на протяжении последней трети XX века отставшие в развитии, с 2001 года по темпам развития начали догонять и опережать некоторые развитые страны. В странах Ближнего Востока с 2000 года, а в государствах Латинской Америки – с 2003 отмечены высокие темпы экономического роста, опережающие данный показатель у развитых стран Запада. Кроме того, так называемые «страны третьего мира», за исключением посткоммунистической Европы, гораздо лучше перенесли англо-саксонский банковский кризис, затронувший главным образом США и Западную Европу.

>Нации и классы

Современный исторический поворот касается не только геополитики, но и социального неравенства. В XIX и XX веке экономическая развитость или отсталость страны означали, среди прочего, что неравенство между людьми в значительной степени формируется местом, где они живут – в развитых или отсталых регионах, территориях, государствах. В 2000 году было подсчитано, что неравенство доходов среди домохозяйств на 80 процентов зависело от страны проживания (Milanovic 2011: 112). В настоящее время ситуация меняется. Межнациональное неравенство в целом идёт на убыль, хотя пропасть между самыми богатыми и самыми бедными не перестает увеличиваться. Внутринациональное неравенство, напротив, растёт, хотя и не с постоянной скоростью, что опровергает псевдоуниверсальную детерминистскую концепцию «глобализации» и технологических изменений.

Из этого следует, что возвращается класс как мощный глобальный детерминант неравенства. Классовый критерий неравенства всегда был важен, однако в XX в. на передний план выдвинулось глобальное межнациональное неравенство и сопровождающие его конфликты. Этот эффект связан с тем, что классовые конфликты развивались в основном на национальной арене с участием национальных классовых организаций и лишь изредка в контексте социальных сетей «пролетарского интернационализма». Теперь, как мы видим, нации сближаются, а классовые различия возрастают.

Классовый характер нового глобального порядка

>>

распределения благ с очевидностью проявился в 1990-е гг. В этот период обострилось социальное неравенство в Китае, даже в большей степени, чем в странах бывшего СССР, находящихся на стадии «привыкания» к капитализму. Умеренная тенденция к выравниванию (среди сельского населения) в Индии сменилась движением в сторону большего неравенства как в городах, так и в сельской местности. Латинская Америка, Мексика и Аргентина также пережили неолиберальный шок стремительно возросшего неравенства. Исследование МВФ (2007: 37) показало, что единственной группой, увеличившей в 1990-е свои доходы в странах как с высокими, так и с низкими экономическими показателями, на глобальном уровне была экономическая элита. Остальные экономические группы потеряли часть своих доходов, хоть это и не имело драматических последствий.

Важнейшие изменения произошли на самом верху экономической пирамиды: наблюдается гигантская пропасть между богатейшим 1% и остальным населением, а также между 0,1% или 0,01% и всеми остальными. Джозеф Стиглиц, лауреат Нобелевской премии по экономике, недавно (в журнале Vanity Fair за май 2011 г.) отметил, что его страной фактически владеют люди, составляющие самый богатый один процент населения. Они распоряжаются 40% национальных благ, каждый год присваивают примерно 25% национального дохода, и кроме того, составляют практически весь Конгресс США. В конце XX – начале XXI в. богатейший 1% населения США представил отчёты за 15% доходов всей страны. В Индии тот же процент получил 9-11% нацдохода (Banerjee и Piketty 2003).

Тренды роста неравенства в Китае, Индии и развивающейся Азии, так же, как и в США, сохраняются в новом тысячелетии (Luo и Zhu 2008; Kochanowicz и др. 2008; Datt и Ravaillon 2009). Ускоренный экономический рост Индии, к примеру, не оказал положительного влияния на положение 20% беднейших индийских детей. Две трети из них, по данным исследований, имели существенный недостаток в весе, обрекающий их на пожизненную слабость: при этом данные 2009 года мало чем отличаются от данных 1995 (UN 2011: 14). Энергичный экономический рост так называемых «стран третьего мира» в 2000-х не снизил статистику мирового голода. Напротив, число страдающих от недоедания возросло с 618 до 637 миллионов человек, т. е. достигло 16% человечества по данным 2000-2007 гг. (UN 2011: 11) Цены на еду продолжают расти. С другой стороны, в марте 2011 журнал Forbes радостно опубликовал данные о мировых миллиардерах на 2010 год. Их количество 1210 человек, сумма их общего благосостояния- 4, 5 триллиона долларов, т.е. больше, чем ВВП третьей по экономической величине страны, Германии. Из миллиардеров 413 – американцы, 115 – китайцы (КНР), 101 – русские. Однако, рост социального неравенства не является необратимым ни технически, ни экономически. Латинская Америка занимает уязвимую позицию как самый экономически неоднородный регион планеты, однако именно здесь неравенство идёт на спад (CEPAL 2010; UNDP 2010). По большому счёту, это объясняется политическим эффектом (Cornia и Marorano 2010), т.е. отвращением к неолиберализму военных диктаторов 1970-х и 1980-х и их преемников, избранных более или менее демократическим способом. Сегодняшняя политика перераспределения благ в Аргентине, Бразилии, Венесуэле и других странах Латинской Америки также отражает важность классовых различий, в данном случае – ведёт контроль над захватом денег богатыми олигархами.

Ещё один способ сравнения классов (выделяемых по уровню доходов) в разных странах – подсчитать их индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), базирующийся на информации о доходах, продолжительности жизни и уровне образования в каждой отдельной стране. Это довольно трудоёмкая процедура, имеющая большие погрешности, однако она предлагает более четкую картину социального неравенства в мире. Самая бедная квинтиль (20% населения) США имеет более низкий ИРЧП, чем самые богатые квинтили Боливии, Индонезии и Никарагуа; её уровень ниже уровня счастливых 40% населения Бразилии и Перу и сопоставим с четвёртой квинтилью Колумбии, Гватемалы и Парагвая (Grimm и др. 2009, таблица 1).

Рост значения классовых критериев неравенства в распределении связан не только с экономическим сближением «развитых» и «развивающихся» стран. Экзистенциальное неравенство, порождаемое расизмом и сексизмом, всё ещё имеет вес в некоторых регионах, хотя в целом, несомненно, ослабляется. Важнейшим примером такой тенденции является падение апартеида в ЮАР. Демократическая ЮАР является одним из самых драматичных примеров классового неравенства, усиливающегося после разрушения формальных оснований расизма. Эксперты Мирового Банка во главе с Б. Милановичем (2008: таблица 3) выявили «коэффициент Джини» – индекс, показывающий степень неравенства доходов – для домохозяйств планеты. Его значение составило примерно 65-70 для 1990-2000х годов. При этом индекс Джини города Йоханнесбурга в 2005 году равнялся 75! И, кроме того, коэффициент высчитывался в зависимости от потребительских расходов, что всегда даёт более низкие показатели расслоения, чем подсчёт в зависимости от размера доходов (UN Habitat 2008: 72). Даже если учесть погрешность, придется признать, что социальная поляризация пост-апартеидного Йоханнесбурга не уступает глобальным показателям экономического неравенства.

Четыре пути классовой политики

Возрождение класса может идти в двух очень разных направлениях: в сторону развития среднего класса и в сторону консолидации рабочего класса, и каждое из этих направлений подразумевает два основных варианта развития. Первый – идеологически доминирующий вариант предполагает развитие глобального среднего класса, обладающего властью над ресурсами, покупающего машины, дома, бесконечное количество электроники и товаров длительного пользования, расходующего средства на заграничные путешествия. Хотя эта модель глобального «усовершенствованного» консюмеризма является кошмаром для экологических активистов, бизнес-сектор ее поддерживает. Кроме роста прибыли бизнесменов, консьюмеризм среднего класса приводит ещё к одному эффекту – он одновременно позволяет этой группе пользоваться привилегиями богатых и формирует горизонт устремлений для низших классов. Потребительские мечты бизнесменов не являются утопичными, но при этом недооценивается социальная взрывоопасность такой траектории экономического >>>

дистанцирования и исключения.

Второй вариант предполагает, что всё расширяющаяся пропасть между средним классом и богатыми приводит к политизации, скорее, чем к консьюмеризации его представителей. В последние годы мы являемся свидетелями событий, подобных которым не происходило с 1848 года, по крайней мере в Европе: мобилизованный средний класс выходит на улицы и даже устраивает революции. Многие случаи таких протестов ранее носили реакционный социально-экономический характер, например, восстания против Альенде в Чили и Чавеса в Венесуэле, или же «Движение чаепития» (т.н. Tea Party) в США. В противоположность либеральной мифологии, в мобилизации среднего класса нет ничего изначально демократического: об этом свидетельствуют тайские «Жёлтые футболки» 2008 года и путчисты в Чили и Венесуэле.

Однако другие протесты среднего класса направлены против олигархического, "кланового" капитализма и его политики. Так называемая "оранжевая революция" в Украине – пример, близкий к идеал-типическому. Средний класс также играл важную, возможно, ключевую роль в "арабской весне" 2011 года. Привилегированный капитализм и большая политика финансовой аристократии, участие в экономической политике только богатейшего одного процента может вывести средний класс на политическую сцену, и дальнейшие последствия могут быть непредсказуемыми.

Третий сценарий предполагает развитие рабочего класса. Историческая эра пролетариата как авангарда промышленного капитализма осталась позади, и вместе с ней ушёл взращённый ею оппозиционный элемент – движение рабочего класса, спрогнозированное Марксом в середине XIX века и воплотившееся в Европе, прежде всего в северных странах. В Европе и Северной Америке идёт процесс деиндустриализации, финансовый капитализм обгоняет публичный сектор, а рабочие классы сегментируются, подавляются и деморализуются. В результате происходит экономическая поляризация и возрастает степень внутринационального неравенства, и таким образом североатлантические страны играют важнейшую роль в глобальном возрождении классовости (как структурного механизма распределения).

Эстафета индустриального рабочего класса была передана Китаю, развивающемуся центру мирового производства товаров массового потребления. Нынешние промышленные рабочие Китая – по сути, эмигранты в собственной стране, так как, например, всё ещё действует хукоу – старая система различий в гражданстве китайских горожан и сельских жителей. Однако рост китайского индустриального капитализма усиливает влияние рабочих, что выражается в локализованных протестах и росте оплаты труда (см. Pun Ngai в Global Dialogue 1.5). Политический режим Китая формально декларирует себя как социалистический, в своеобразном смысле этого слова. Что ждёт Китай в будущем, можно только догадываться. Тем не менее, нельзя исключать того, что новый виток социально-экономического конфликта будет инициирован индустриальным рабочим классом, и его эпицентр переместится из Европы в Азию.

Четвёртый классовый сценарий основывается на динамике гетерогенных низших классов в Африке, Азии, Латинской Америке и их аналогов в богатом мире, возможно, менее влиятельных. Несмотря на рост сознания, связанный с повышением степени грамотности и развитием новых средств коммуникации, движения низших классов сталкиваются с внутренними разделениями, препятствующими мобилизации – этничностью, религией, разделением между формальным и неформальным трудоустройством, а также различием между видами занятости такими, как например, уличная торговля и тяжелая промышленность. Однако препятствия для организации, мобилизации и протестов вполне можно обойти. В Индии появились мощные организации самозанятых. Движение "красных футболок", тайских низших классов, стало важнейшей политической силой страны на выборах в июле 2011 года, а коалиции низших классов в Бразилии и ряде других латиноамериканских стран участвовали в создании левоцентристских правительств.

Каждая из описанных четырёх перспектив развития классовых тенденций в системе мирового неравенства имеет социологическое основание: и глобальный консьюмеризм среднего класса, и его политический протест, и индустриальная классовая борьба, переместившаяся из Европы в Китай и Восточную Азию, и, наконец, мобилизация гетерогенных низших классов, возглавляемая латиноамериканскими и южноазиатскими движениями и, возможно, включающая в себя арабские страны и Африку южнее Сахары (ср. En. de la Garza и Ed. Webster в Global Dialogue 1.5). Самый вероятный сценарий развития событий – постепенное воплощение всех четырёх вариантов. Влияние каждого из вариантов предсказать невозможно, и кроме того, оценка смысла и значимости результатов, вероятнее всего, будет предметом дискуссии.

Ясно же следующее. В то время как национальные государства остаются внушительными структурами и классовые конфликты в основном остаются внутринациональными, новый этап глобального неравенства являет собой возрождение значимости класса и падение значимости нации как определяющих факторов человеческой жизни.

Ссылки

Banerjee, A., and Piketty, T. 2003. "Top Indian Incomes, 1956-2000", B R E A D working paper, http://ipl.econ.duke.edu/bread/papers.htm

CEPAL, 2010. La hora de la igualdad. Santiago de Chile, CEPAL.

Cornia, G.A., and Martorano, B. 2010. Policies for reducing income inequality: Latin America during the last decade. UNICEF Policy and Practice Working Paper. New York: UNICEF.

Datt, G., and Ravaillon, M. 2009. "Has India's Economic Growth Become More Pro-Poor in the Wake of Economic Reforms?", World Bank Policy Research Working Paper 5103, www.worldbank.org/

Grimm. M. et al. 2009. "Inequality in Human Development. An Empirical Assessment of 32 Countries", Luxembourg Income Study, Working Paper 519, www.lisproject.org/publications/wpapers

IMF 2007. World Economic Outlook, October 2007. www.imf.org

Kochanowicz, J., et al. 2008. "Intra-Provincial Inequalities and Economic Growth in China", Faculty of Economic Sciences, University of Warsaw, Working Paper no. 10/2008. www.wne.uw.edu.pl

Luo Xubei and Zhu Nong 2008. "Rising Income Inequality in China: A Race to the Top", World Bank Policy Research Working Paper 4700. www.worldbank.org/

Milanovic, B. 2008. "Even Higher Global Inequality Than Previously Thought", International Journal of Health Services: 48:2.

Milanovic, B. 2011. The Haves and the Have-Nots. New York, Basic Books.

UN 2011. The Millennium Development Goals Report 2011. www.un.org/

UNDP 2010. Regional Human Development Report for Latin America and the Caribbean. www.undp.org

UN Habitat 2008. The State of the World Cities 2008/9. www.unhabitat.org/

>(Не)Граждане Комтара: Транснациональные мигрантские сообщества в Малайзии

Айя Фаброс, исследователь проблем Глобального Юга, Филиппины

Тун Абдул Разак или КОМТАР в Пенанге (Малайзия) - это обветшавший торговый комплекс, которые присвоили и возродили к жизни мигранты. Несмотря на то, что комплекс часто посещают иностранцы, его нельзя назвать типичным туристическим местом, предлагающим самую мрачную сторону глобального. Служа домом для различных миров – лоскутного одеяла культур, сошедшихся в общем, заимствованном пространстве, Комтар, как и Лаки Плаза в Сингапуре или парк Виктория в Гонконге, отображает повседневные договорные практики трудовых мигрантов, формирующиеся по ходу их обустройства в принимающих локальностях и овладевания навыками транснациональной жизни и навигации в пространстве глобального неравенства.

Вопреки своей репутации хаотического места, внутренняя жизнь Комтара упорядочена: политики сдерживания в отношении трудовых мигрантов резонируют с распределением пространства между различными группами. Так, например, прячущаяся в закутке первого этажа непальская столовая служит местом встречи для непальских рабочих: здесь можно заказать карри и национальное блюдо momos, послушать музыку Катманду. Выше, на втором уровне в основном здании, размещается секция Бирмы, дальше - индонезийский уголок третьего этажа и, еще выше, территория Филиппин.

Хотя члены каждой группы держатся вместе, у них есть представление о том, где и как живут другие. Существует разделяемый невысказываемый порядок, систематизированный «шведский стол» различных азиатских вещей: всем известно, где можно найти батик, багунг и бирманские публикации с последними новостями об Аун Сан Су Чжи. И хотя Комтар не значится в

Задуманный как главный шоппинг-центр Пенанга, Комтар остается значимым местом в пространстве города, хотя он перестал быть центром консьюмеризма и развлечений. Здание расположено в центре города и является самым высоким в Пенганге,. Сегодня Комтар геттоизированная и глобализированная арена - пространство транснациональных мигрантов.
Фото А.Фаброс.

>>

списке популярных мест сгущения мигрантских культур, таких как Чайнатаун или Литтл Индия, попадая сюда, вы покидаете границы региона и оказываетесь в транснациональном пространстве, где встречаются и расходятся рядовые труженики глобализации, строящие свои взаимодействия поверх политических и культурных границ.

По экспертным оценкам, в Малайзии каждый четвертый работник – это pekerja asing, иностранец, занятый на заводах, плантациях, в сфере услуг или в качестве домашней прислуги. Несмотря на столь значительное количество и зависимость от них Малайзии, трудовые мигранты остаются недооцененными; ими пренебрегают, их не замечают. Сконструированные как временно присутствующие, работающие тела-механизмы, они тесно связаны с работодателем и рабочим местом через разрешение на работу, где указаны позиция, название предприятия и имя работодателя, который, в свою очередь, обладает практически абсолютной властью предоставлять и отменять эти документы. Как заметил один из рабочих, «они могут диктовать и изменять условия найма, набирать и увольнять рабочих, как им заблагорассудится, но мы не можем выбрать работодателей или просто уйти, даже оказавшись в невыгодной для нас ситуации».

Отмечая, что они по доброй воле, приехали в Малайзию «на заработки», некоторые рабочие уподобляют свое нынышнее положение рабству: «у нас нет никакой свободы ('parang walang laya'), мы работаем как «рабы из прошлого». Приезжая в дальние страны в поисках работы, многие иностранные работники сталкиваются с органичением на свободу передвижения и прочих прав и свобод. Их жизнь ограничивается рабочим местом и жилыми пространствами, часто также управляемыми работодателями; они нередко оказываются в ситуации практической изоляции от других и сильной зависимости от работодателей и агентов – так, например, распространена практика изъятия у рабочих паспортов с угрозой депортации, с тем, чтобы держать их в послушании. Дисциплинированные до покорности, запуганные работодателями, находящиеся в отчаянной личной ситуации, изолированные от сообщества, мигранты оказываются особо уязвимы для насилия и эксплуатации на рабочем месте и за его пределами.

При этом, постоянно сталкиваясь с ограничениями и исключениями во внешней среде, в пространстве Комтара мигранты вновь обретают гражданство и способность управлять своей жизнью (agency). Здесь они не просто рабочие, лишенные идентичностей, - винтики на сборочных линиях, разнорабочие в магазинах или прислуга в домохозяйствах. В КОМТАРЕ мигранты - филиппинцы, бирманцы или непальцы, а не исключительно продукты конструирования «другого» (othering) с навязанными идентичностями, где филиппинка означает «горничная», а «быть бирманцем» равнозначно «быть нелегалом». Здесь мигранты становятся клиентами, потребляющими продукты по своему выбору или посылающими домой кровно заработанные деньги. Здесь они являются соотечественниками, которые поддерживают друг друга, обмениваются рассказами о тяготах повседневной жизни или «вечных» национальных проблемах; они являются членами сообщества, посещающими церковь и собрания общины, планирующими деятельность или размещающими объявления и новости, и прочее, и прочее – все, что несет на себе печать возникающего чувства общности.

Но даже в этом освоенном пространстве, от которого и так отказалась «принимающая сторона», мигранты постоянно оказываются объектами оскорбления и приписывания разнообразных уничижительных характеристик вроде «опасные» и «грязные», их регулярно «ставят на место». Спокойствие Комтара регулярно прерывается полицейскими рейдами, разными репрессивными действиями и постоянным и вездесущим наблюдением. Тем не менее, владельцы магазинов придают особое значение этому пространству, подчеркивая, насколько им важно остаться здесь, потому что иначе «куда же нам тогда идти»?

В кафе внизу двое молодых людей сравнивают недавно выпущенные карты от УВКБ ООН , ожидая, пока третий товарищ не отвезет их в Алор Сетар, где сидят в полиции их родственники и друзья. Наверху обустроен импровизированный стол для игры в tongits , а в соседней комнате «помощница по дому» из Филиппин (Filipina Domestic Helper) самозабвенно исполняет «Top of the World» группы «Карпентерс». В Комтаре люди тусуются часами, зачастую приходя сюда даже без намерения что-либо купить. «Когда ты приезжаешь в Малайзию, ты один, у тебя никого нет, а в Комтаре уже чувствуешь себя как-то по-другому», - говорит филиппинская домработница. В этом смысле Комтар функционирует как агора полиса диаспоры, на которой разобщенные работники, вырванные из семей и родных сообществ, имеют возможность встретиться и пообщаться. Вряд ли можно говорить о всеохватывающем мигрантском коллективном сознании как таковом, или о четко артикулированной идее общих проектов, но в пределах соответствующих общин определенный уровень коллективной солидарности, похоже, разделяется всеми. Эта солидарность активно поддерживается и практикуется, что позволяет по крайней мере заполнять пробелы, оставляемые состоянием «не-гражданства».

Так, например, мигранты из Бирмы создали «добровольное агентство ритуальных услуг» и помощи при госпитализации, формализовав свою организацию после бесчисленных случаев поиска средств и проведения обрядов захоронения для рабочих, не имеющих доступа к базовым и столь необходимым услугам. Другие самоорганизованные группы поддержки оказывают помощь соотечественникам, оказавшимся в бедственном положении, одновременно мобилизуя людей на участие в социокультурных мероприятиях.

Комтар – это транснациональная агора, здесь кипит жизнь, предоставляя мигрантам разные возможности, при этом, однако, не бросая прямой вызов глубоко укороненным несправедливостям, с которыми эти люди сталкиваются в повседневности. Судя по некоторым высказываниям, с энтузиазмом обустраивая для себя разбросанные тут и там уголки и закутки, мигранты вовсе не намерены рисковать своим рабочим местом и пребыванием в Малайзии. Восстановление субъектности и утверждение права мигрантов быть здесь происходит через знаки символического присутствия и оттиски национальных культур. При этом речь идет о вкрадчивых, трудноуловимых артикуляциях, реализуемых на небезопасной, «сильно пересеченной» местности, на которую мигранты ступают с большой осторожностью.

В настоящее время эти ежедневные акты и обыденные практики, практически коллективизированные общим опытом и укрепляемые через массовое участие, противостоят условиям, работающим на изоляцию мигрантов или превращение их в невидимую и ничего не значащую массу. По ходу укоренения этих общин, однако, будет интересно понаблюдать за развитием порождаемых ими пространств и углубляющихся солидарностей мигрантов.

> Исторический угол

Неравное включение женщин

Дженифер Платт. Ун-т Сассекса, ВБ,
Вицепрезидент МСА по публикациям 2010-2014 гг.

Маргарет Арчер, первая женщина - президент МСА, 1986-1990.

Каждый взглянувший на последнюю страницу нового Каталога членов МСА 2010 г., обнаружит, что исследовательский комитет 32, «Женщины в обществе», является крупнейшим, включающим 291 членов. Это, несомненно, отражает влияние женского движения в целом, а также важное развитие дискуссии и понимания гендерных вопросов в социологии. Мы можем выделить некоторые простые количественные показатели того, как эта тенденция прослеживается в развитии МСА.

Впервые в члены Исполнительного Комитета МСА женщина была выбрана только в 1974; в 1978 году женщина стала вице-президентом, тогда же в исполком было избрано еще две женщины, и до 1986 г. женщин в комитете оставалось трое (из 17 или 18 членов). В 1986 году численность женщин в Исполкоме МСА достигла пяти человек, одной из них была Маргарет Арчер, первая – и пока единственная – женщина-президент МСА. К концу 1990-х из 21 члена комитета было семь женщин, в том числе одна - вице-президент; на протяжении 2000-х число женщин варьировало от 8 до 10 из 22 членов, и в разные периоды от двух до четырех женщин были вице-президентами. Это очевидно указывает на постепенное движение к гендерному равенству в численном выражении, и на общую тенденцию роста представительства женщин в высшем образовании. Но продемонстрированные тенденции не стоит рассматривать как специфичные для МСА: это следствие различных социальных процессов, идущих по всему миру и приведших женщин в социологию и в МСА. Список членов МСА 1976 г. показывает, что женщины составляли только 22 % рядовых членов, так что 18% членов Исполкома, в целом, представляет их практически адекватно. Однако важно заметить, что женщины-члены МСА в то время принадлежали к ограниченному кругу национальностей. Среди руководителей исследовательских комитетов мы видим, что те немногие женщины, которые были вовлечены в деятельность МСА до 1970 года, были либо британками, либо из Восточной Европы, что отражает разнообразие национальных ситуаций в тот период, когда социология во многих странах была еще не институционализирована. Однако неравномерное распределение членов какой-либо социальной категории в различных структурах в рамках МСА может иметь ограничивающие эффекты. Каждый исследовательский комитет имеет одного представителя в Исследовательском Совете, что означает, что если женщины (или члены любой другой подгруппы) концентрируются в небольшом числе исследовательских комитетов, у них, вероятно, будет меньше представителей, чем если бы они были равнмерно распределены по большему числу комитетов. Точно так же женщины некоторых национальностей будут недостаточно представлены там, где каждая национальность имеет одного представителя.

До сих пор женщины составляли большинство членов ИК 32. В состав этого комитета входят всего десять мужчин, хотя в целом в МСА гораздо больше мужчин, чем женщин. Совершенно иначе выглядит гендерная композиция другой большой группы - ИК 16 по социологической теории (257 человек). Вариации в гендернйо композиции исследовательских областей в социологии заслуживают более глубокого исследования. Последствия гендерного (дис)баланса формирования предметных полей особенно значимы для исследовательских областей, отличных от гендерной проблематики.

Лондон в огне

> Хаос Порядка

Боавентура де Суса Сантос, Школа Экономики, Университет Коимбры, Португалия, Ун-т Висконсин-Мэдисое, Школа праваl, США; член ПРограммного комитета по подготовке Всемирного конгресса МСА в Йокагаме

Жестокие беспорядки в Лондоне и других британских городах, несмотря на кажущуюся специфичность, нельзя рассматривать как изолированный феномен. Это тревожные знаки для нашего времени. В современных обществах под нашей коллективной жизнью течёт легковоспламеняющееся "горючее", которому нет дела до семей, сообществ, социальныхорганизацийиполитических деятелей. Когда оно, спровоцированное каким-либо инцидентом, как искрой, выходит на поверхность, оно может стать причиной социального пожара невообразимых размеров. Это "горючее" состоит из следующих четырех компонентов: одобрение социального неравенства наряду с индивидуализмом; меркантилизация индивидуальной и общественной жизни; расизм, переименованный в толерантность; захват демократии привилегированными элитами, ведущий к превращению политики в распределение добычи, "легально"

>>

отобранной у граждан, а также к волнениям. В каждом из этих компонентов есть внутреннее противоречие. Когда оно приходит в действие, любой инцидент может спровоцировать взрыв.

>Неравенство и индивидуализм

С развитием неолиберализма резкое обострение неравенства превратилось из проблемы в решение. Показное потребление наиболее богатых слоев населения подтверждает успех социальной модели, «приговаривающей» большинство людей к бедности якобы потому, что они не прилагают достаточно стараний, чтобы преуспеть. Это стало возможным лишь потому, что индивидуализм стал абсолютной ценностью, которая, парадоксальным образом, должна воплощать утопию равенства. Каждый член общества должен одинаково отвергать социальную солидарность вне зависимости от того, насколько она выгодна для него лично и насколько он ее поддерживает. Такой индивид будет считать неравенство проблемой, только если сам столкнется с нею. Только в этом случае он посчитает существующую систему несправедливой.

> Меркантилизация жизни

Общество потребления предполагает замену отношений между людьми отношением «люди – вещи». Объекты потребления скорее не удовлетворяют потребности, а, наоборот, способствуют их росту, при этом личностный вклад в объекты одинаково интенсивен вне зависимости от того, обладает ли потребитель объектом или нет. Торговые центры создают иллюзию сети социальных отношений, которая начинается и заканчивается объектами. Капитал, всегда имеющий целью прибыль, теперь подчиняется закону, по которому блага, которые мы всегда считали слишком обыденными (вода, воздух) или слишком личными (частная жизнь, политические убеждения), могут покупаться и продаваться на рынке. Между верой в то, что деньги – универсальный посредник, и убеждением, что ради денег можно сделать всё что угодно, шаг намного меньше, чем кажется. Сильные мира сего делают этот шаг каждый день, но с ними ничего не происходит. Видя это, другие решают, что они тоже могут это сделать, – и попадают в тюрьму.

> Расизм толерантности

Беспорядки в Англии с самого начала имели расовый аспект. Это также верно и для беспорядков 1981 года в Британии, и для событий, которые потрясли Париж и другие французские города осенью 2005 года. Это не совпадение, а скорее проявление колониального строя общественных отношений, продолжающего господствовать в нашем обществе даже через много лет после падения политического колониализма. Расизм – всего лишь один из компонентов, так как в бунтах принимали участие молодые люди разной этнической принадлежности. Но это всё же чрезвычайно значимый компонент, благодаря которому социальное исключение усиливается разрушением самооценки. Другими словами, ситуация, когда ты никто, усугубляется, если при этом ты ничего не имеешь. Темнокожий молодой человек в наших городах каждый день находится под подозрением, под наблюдением, вне зависимости от того, что он или она делает. Эта подозрительность гораздо более отвратительна в условиях общества, сбитого с толку официальной политикой борьбы с дискриминацией, а также фальшивой имитацией мультикультурализма и толерантности. Когда все отрицают расизм, его жертвы называются расистами за то, что они с ним борются.

> Захват демократии

Что общего у английских беспорядков и падением благосостояния граждан, вызванным жесткостью мер, предпринимаемых рейтинговыми агентствами и финансовым рынком? Оба явления подвергают демократический порядок стресс-тесту, в котором не определены основные последствия. Бунтующая молодёжь – преступники, но это определённо не "чистейшая и простая преступность", как сказал премьер-министр Дэвид Кэмерон. Эти протесты обличают социально-политическую модель, в рамках которой государство находит ресурсы, чтобы поддерживать банки, но при этом игнорирует молодых людей, обречённых на будущее, о котором лучше и не говорить, тех, кто живет в кошмаре постоянно растущих цен на образование, которое в итоге может не быть востребованным из-за роста безработицы. Это революционный протест молодёжи, которую бросило на произвол судьбы сообщество, у которой вызывают возмущение антисоциальные политики государства. Между неолиберальным кредо и городскими беспорядками есть чудовищное сходство. Социальное безразличие, высокомерие, несправедливое распределение расходов сеют хаос, насилие и страх. Завтра обиженные сеятели будут утверждать, что то, что они посеяли, не имеет никакого отношения к хаосу, насилию и страху, не дающим покоя нашим городам сегодня. Настоящие нарушители порядка сейчас у власти. Но скоро их сместят те, кто сегодня не обладает властью лишь для того, чтобы установить порядок в сфере политического управления.

> Гегемония английского языка и социальные науки

Ренато Ортиц, Государственный Университет Кампинаса, Бразилия

Английский язык является официальным языком глобализации. Я говорю «официальным», потому что сосуществование языков является сутью современной ситуации, даже если один язык по сравнении с другими и занимает привилегированное положение. На мировом рынке языковых товаров английский становится языком глобальной современности. Каковы же последствия этого для социальных наук? Я хотел бы избежать двух позиций, часто встречающихся в интеллектуальных дискуссиях. С одной стороны, есть мнение, что преобладание английского языка - артефакт империализма. Я, однако, не думаю, что империализм является полезной концепцией для понимания процессов глобализации. С другой стороны, существует точка зрения, что национальная идентичность наделяет свой национальный язык аутентичностью, отсутствующей в других языках, которые, в свою очередь, являются поддельными. Как нас учит Фердинанд де Соссюр, произвольность знака привязана к контексту территории и истории - нет языка, который бы был лучше других, они все лишь схватывают реальность определенным образом.

Многие скажут, что английский язык является для научного сообщества «lingua franca». Но что такое «lingua franca»? Язык, освобожденный от своих многочисленных коннотаций с целью максимизации коммуникации между учеными. Это отчасти возможно в естественных науках, в то время как в социальных науках английский язык не может функционировать в качестве «lingua franca», и не по причине национальной гордости, а в силу особенностей процесса производства знания. Социологический объект построен с помощью языка. Использование того или иного языка является не случайным, а решающим измерением конечного результата. Таким образом, в практике использования языка естественными и общественными науками существуют различия. Здесь я приведу лишь несколько примеров. В естественных науках текст не только имеет определенный порядок презентации - в нем также используется особая форма повествования. Тексты естественных наук пишутся от третьего лица и, как правило, в настоящем времени. Так, например, биологи пишут: «имеется три степени радиации ...» или «мутации носят отчетливо центростремительный характер...». Глагол поставлен в настоящем времени, а использование третьего лица придает дискурсу объективность, основанную на отсутствии ученого. Из текстов социальных наук нельзя удалить рассказчика, и именно поэтому Чарльз Райт Миллс описывал социальные науки как интеллектуальное ремесло (intellectual craft). Грамматически позиция рассказчика может быть выражен местоимениями «Я» или «мы», но определенно не может быть редуцирована до третьего лица. Какое бы местоимение мы не использовали, «я» или «мы», в нарративном дискурсе всегда остается посредник. Существует также проблема перевода, которая не ограничивается поиском слов, то есть эквивалентных терминов в двух разных языках. В процессе перевода должны быть приняты во внимание различные интеллектуальные традиции. Так, например, термин «национальный вопрос» не может быть сведен к вопросу о национализме.

Национальный вопрос» подразумевает определенный политический контекст, в котором - в частности, в Латинской Америке - происходят интеллектуальные дебаты - контекст, который включает в себя проблематику национальной идентичности, конструирование современности (modernity), критику импорта иностранных идей, комплекс неполноценности колонизированных стран и дилеммы периферийной современности (modernity). Это отсылает нас к целостной библиографической и художественной традиции - от мексиканских муралистов до бразильского модернизма. «Национальный вопрос» является кратким выражением, отсылающим к истории поиска идентичности стран Латинской Америки, что далеко не равнозначно вопросу о национализме. Однако, несмотря ни на что , господство английского языка в социальных науках продолжается. Можно говорить о консолидации определенных научных стилей, глобальных по масштабу, отдающих предпочтение английскому языку. Так обстоит дело с использованием баз данных, производство которых обусловлено такими факторами, как технические удобства, рыночные затраты. Организация текстов и цитирование требует использования определенного языкового регистра, который сводит язык к минимуму и затушевывает оттенки, в особенности когда исследователи претендуют на то, что эти базы данных предлагают надежный портрет научного мира. Институт научной информации (ISI) производит четыре различных типа каталогов, и все они отличаются языковыми искажениями. Между 1980-м и 1996-м годами в базе данных индекса цитирования социальных наук публикации на английском языке составляли от 85% до 96 % всех статей. Учитывая, что цитирование является критерием научного авторитета, мы соглашаемся с существованием четкой иерархии (произвольной), основанной на языковом исключении. Выбор английского языка для производства баз данных, равно как и для публикации научных докладов и книг, это вопрос рыночной целесообразности.

Крупные корпорации (Reed Elsevier, Wolters Kluwer) доминируют

>>

на мировом англоязычном рынке из-за простоты циркуляции текстов. При этом произвольные лингвистические критерии становятся глобально признанным легитимирующим основанием для «производства науки» или занятий наукой. Эта произвольность усиливается благодаря цифровым технологиям (тексты в формате PDF, библиографические указателеи) и неравномерному распределению переводов в международном масштабе.

В США и ВБ переводы (во всех жанрах) не превышают 5% от общего объема публикаций, в то время как в таких странах, как Швеция и Нидерланды, они составляют около 25%, в Греции - 40%. Т.о., чем большее распространение имеет язык, тем

"…Английский- это не lingua franca"

меньше текстов на него переводится. Если в социальных науках английский не может функционировать -значит,как «lingua franca», в чем тогда смысл его доминирования? Как мне представляется, английский язык, в силу своей вездесущести, обретает способность «направлять» интеллектуальную дискуссию в глобальном масштабе. «Направлять» выбирать из гораздо более широкого круга возможных тем те вопросы, которые станут актуальными и видимыми. Перефразируя, английский язык обладает властью формировать интеллектуальную повестку дня.

Есть еще и другие последствия. Юджин Гарфилд, основатель ISI, сказал, что в 1970-е годы позиции французских наук ослабевали по одной причине: французская наука становилась провинциальной, поскольку использовала французский язык. Эта линия аргументации принимает универсальность в качестве атрибута английского языка, в то время как уделом всех других языков становится провинциализм. Глобальный английский становится универсальным английским. При этом забывается, однако, что космополитизм не является атрибутом процесса глобализации, и проявление социальных особенностей с помощью локального диалекта также является определяющей характеристикой современной глобализации. В условиях глобальной современности, таким образом, совершенно приемлемо и общепринято быть глобально провинциальным.

> Румынская социология: Быстрое преодоление трудного прошлого

Мариан Преда и Лисиу Челси, Румыния

Если придерживаться классификации Майкла Буравого, разделяющего профессиональную, критическую, политическую и публичную социологию, можно сказать, что в Румынии сильная политическая социология и совершенствующаяся (читай: слабая) социология остальных трех типов. Преподавание социологии в Румынии началось в конце 19 века и далее, в межвоенный период, развилось в так называемую Бухарестскую социологическую школу (междисциплинарную и в основном этнографическую). Один из всемирных конгрессов по социологии даже предполагалось провести в Бухаресте, но из-за начала Второй Мировой Войны он был отменен. В 1948 году социология была запрещена, в 1966 г. возрождена и снова запрещена в 1977 г. С 1989 года в Румынии открылось несколько социологических факультетов и тысячи студентов получили степень бакалавра, магистра или докторские степени по социологии.

За последние два десятилетия из рядов социологов вышли три министра труда, один премьер-министр, двое спикеров Палаты депутатов и множество депутатов и политических советников высокого уровня. Многие политические аналитики, журналисты, социологические агентства, менеджеры высшего звена внесли свой вклад в создание положительного имиджа социологической профессии в Румынии. При этом возобновление связей румынской социологии с международной социологической наукой до недавнего времени не являлось приоритетом. До Всемирного конгресса мировой социологической ассоциации в Гетеборге 2010 года, на котором присутствовало более 30 социологов из Румынии, страна была недостаточно представлена на международных мероприятиях. Увеличение активности участия в международных конференциях, вероятно, является проявлением более общей тенденции - согласно данным одной из библиометрических служб (SCImago), вклад румынских общественных наук увеличился с 0,02% мирового научного производства в 1996 году до 0,15% в 2008 году и до 0,44% в 2010 году (http://www.scimagojr.com/countrysearch.php?area=3300&countr=RO&w =)

Помимо присутствия социологов из Румынии в некоторых ведущих международных социологических журналах (напр.Current Sociology и Social Forces), еще одним признаком развития стало создание новых научных рецензируемых журналов международного масштаба. International Review of Social Research (www.irsr.eu), посвятит следующие выпуски вопросам экологической социологии, материальной культуры и потребления на Глобальном Юге, вопросам социальной экономики, жизненных стилей и туризма. Журнал публикует тексты таких выдающихся социальных мыслителей, как Жан-Клод Кауфман, Майкл Рэклифт, Зигмунт Бауман и антропологов Ричарда Хандлера и Дэниела Миллера.

В 2008 году было учреждено Румынское социологическое общество (РСО) (http://societateasociologilor.ro/en),которое насчитывает сейчас более 400 членов. Первая международная конференция "Переделывание социального: новые риски и солидарности" (http://cluj2010.wordpress.com/) состоялась в Клуж-Напока в 2010 году. Наибольшее число из более 200 докладов касалось миграции, социологии организаций, города, социальных проблем и социальной политике. Также большой интерес был проявлен к исследованиям социальных ценностей, методологии массовых опросов и пост-социалистических трансформаций. Вторая международная конференция "За пределами глобализации?" состоится в июне 2012 года. Заявки на участие принимаются с сентября 2011 г. (см. http://www.societateasociologilor.ro/en/conferences/conference2012). На конференции будет предпринята попытка подвести итоги последних трех десятилетий - исторического цикла, существенным образом изменившего социологию. Принимая во внимание эпохальные события последних нескольких лет (например, 9/11 и глобальный финансовый кризис), на конференции также будет обсуждаться вопрос о том, какие тенденции неолиберализма и глобализации обречены на исчезновения, а какие сохранятся и получат дальнейшее развитие.

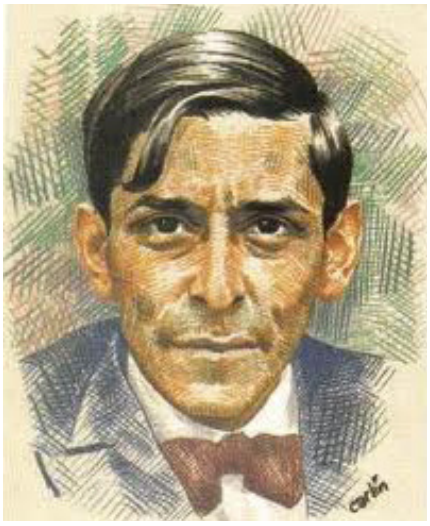
> Перуанская социология: повороты и перевороты

Николас Линч, Национальный Университет Сан-Маркоса и б. Министр образования Перу

В настоящее время перуанская социология существует как научная дисциплина и как профессия. При этом она недостаточно институционализирована, ее влияние и признание недостаточны. Развитие социологии в Перу прошло четыре этапа: рост озабоченности социальными вопросами, развитие социологии как профессиональной деятельности, ухудшение позиций социологии в секторе неправительственных организаций и возвращение критической социологии.

> Социальные проблемы

Социальные проблемы стали предметом озабоченности интелектуальных кругов Перу в начале XX века, что проявилось в появлении пространных эссе диагностического характера, рассуждающих о перепутье, на котором оказалась страна, и о возможных путях эволюции, развития и преобразования Перу. Тогда мыслители начали задаваться глобальными вопросами о развитии Перу впервые. В их числе были люди, связанные с консервативными правыми, выражающие позиции доминирующей олигархии, а также многие другие из числа реформаторов и революционных левых; эта среда породила первых великих интеллектуалов. В числе влиятельных правых были Хосе де ла Рива Агуэро, Франсиско Гарсия Кальдерон и Виктор Андрес Белаунде; на левом фронте: Мануэль Гонсалес Прада, Виктор Рауль Айя де ла Торре и Хосе Карлос Мариатеги. В этот период, точнее в 1896 году, на филологическом факультете университета Сан-Маркос стал читаться первый университетский курс по социологии. Этот курс почти не касался национальных вопросов, фокусируясь в большей степени на теоретических объяснениях социального развития, следуя



Хосе Карлос Мариатеги, 1894–1930.

постулатам Конта и Спенсера. И весьма любопытно, что на раннем этапе анализ социальных вопросов и социология были практически не связаны между собой, хотя в последующие десятилетия именно социальные проблемы станут определяющими для развития социальной науки в Перу.

> Развитие социологии как профессии

Только недавно, в 1961 году, когда в университете Сан-Маркос был основан факультет социологии, социология в в Перу стала профессией. Несколько лет спустя, в 1964 году, его примеру последовал Понтифийский католической университет, учредивший школу социальных наук со специализацией по социологии. В обоих случаях важную роль сыграли зарубежное влияние и поддежка: университет Сан-Маркос получил финансирование от ЮНЕСКО, а католический университет от голландского правительства. В начале и преподавание социологии, и исследовательская деятельность находились под сильным влиянием структурного функционализма, импортированного из США. Для периода становления академической социологии было бы чрезвычайно важно развивать технократический подход, ориентированный на «решение конкретных социальных проблем». Однако технократическая социология практически сразу уступила место марксистской социологии, пришедшей из студенческого движения и левых течений, что создало почву для развития в Латинской Америке критической мысли. Это время было также отмечено приходом националистического правительства левого толка в результате военного переворота, что впоследствии, несмотря на режим диктатуры, воцарившийся в стране, привело к значительному увеличению возможностей трудоустройства для социологов. Это был 1968, год, значимый как для Перу, так и для всего мира. Эти перемены наделят социологию революционной идентичностью, сохранившейся и в последующие десятилетия, по крайней мере, до периода неолиберальной регрессии 1990-х. Влияние марксизма отодвинуло доминирующую на тот момент технократическую ориентацию в сторону, поставив социологию на службу революционным преобразованиям общества, как в тот момент расценивались перемены. В 1970-е новая ориентация и улучшение ситуации на рынке труда вывели социологическую науку на пик развития. Социология стала востребовала как учебная дисциплина и как профессия – в различных университетах страны были учреждены новые социологические специальности, которые поставляли кадры для работы в различных государственных агентствах, продвигающих вперед военные реформы правительства. Это был важный момент для развития социологических исследований, следивших за

>>

происходящими в стране политическими изменениями и развитием капитализма. Профессия социолога, в свою очередь, приобрела особенный статус, будучи основанием для построения новой карьеры, выражающей дух эпохи перемен. Привлекательность марксизма объяснялась не только глобальными перспективами, предложенными марксистским учением. Было важным и то, что марксизм вновь обратился к интеллектуальному наследию прогрессивных предшественников социологии первых десятилетий двадцатого века, в особенности Хосе Карлосу Мариатеги (José Carlos Mariátegui). Вокруг его работ, в то время переизданных, возникла важная дискуссия, значительный вклад в которую внести перуанский социолог Сезар Жермана и аргентинец Хосе Арико, не профессиональный социолог, но, тем не менее, ключевая фигура для развития социологической науки. Тем не менее, как направление критического мышления влияние марксизма оставалось ограниченным, хотя были достигнуты и некоторые успехи, в частности, журналом «Sociedad y Política" под редакцией Анибала Кихано, опубликовавшим памятный анализ деятельности военного правительства в 1970-е. Журнал El Zorro-де-Абахо, под руководством антрополога Карлоса Ивана Дегрегори, но управляемый редакционным комитетом, состоящим, в основном, из социологов, также играл в 1980-е большую роль. Особенно влиятельной фигурой был в то время Синесио Лопес, член редакционной группы журнала. С опорой на идеи Антонио Грамши, его работы предлагали интересный подход к пониманию развития государства и нарождающихся социальных движений. Также важно отметить Хулио Котлера, который придерживался редкого сочетания марксистской и веберианскойй традиций, сфокусированного на вопросах строительства национального государства и отсутствия легитимности олигархической власти в стране. Его главная работа "Clases, Estado y Nación en el Perú" с момента первой публикации в 1978 г. выдержала несколько изданий.

Другой стороной марксизма, которая окажется наиболее влиятельным как в социологии, так и в перуанских общественных науках в целом, был марксизм-ленинизм. Этот догматический марксизм развивался параллельно с маоистским сегментом коммунистического движения, очень мощным в государственных университетах в 1970-е и 1980-е годы, и особенно там, где появились социологические факультеты. Догматический марксизм стремился к

Анибал Кихано.

реконструкции программ преподавания социальных наук, требуя от профессоров полного политического подчинения и, ограничивая библиографические источники ссылками на справочные пособия Академии наук СССР и избранные труды Маркса, Ленина и Мао. Интеллектуальное господство догматического марксизма совпало с годами политического насилия в Перу, когда повстанческое движение маоистской группы «Светлый путь» (Sendero Luminoso) стоило стране двенадцать лет междоусобной войны и около 70 000 смертей. Эти преобразования практически означали смерть социологии в стране, маргинализируя ее интеллектуально, а также резко сокращая ее присутствие в государственныхучрежденияхивлияние как одной из форм профессионального знания. Несколько государственных и частных университетов отказались от специализации в области социологии. В каком-то виде она сохранилась только в двух ее первоначальных центрах: университете Сан-Маркос и Католическом университете.

С распадом дисципарного поля индивидуальные профессиональные социологи столкнулись с проблемой профессиональной деградации, а также личного выживания.

> Ухудшение положения социологии в третьем секторе

В 1980-е и 1990-е годы неправительственные организации (НПО) стали местом убежища для профессиональной социологии. НПО служили убежищем в буквальном смысле слова, потому что в стране сначала шла война (1980е), а потом ей на смену пришла неолиберальная диктатура Альберто Фухимори (1990). В эту эпоху ассоциированность социологии с левым движением, а особенно с революцией, работала против дисциплины. Спрос на социологов в государственном секторе резко упал и, как было сказано выше, различные университеты закрыли свои двери для социальной науки. Частично, НПО были созданы социологами, которые инициировали небольшие проекты и получали финансовую поддержку от симпатизирующих

>>

организаций из-за рубежа. Этот тип работы имел очевидные достоинства, помогая социологам профессионально развиваться в области, тесно связанной с изучением общественных потребностей. Тем не менее, социология лишилась самых крупных мыслителей, что серьезно ограничило возможности интеллектуального развития дисциплины. Это произошло в особенности потому, что все больше средств стало поступать со стороны многопрофильных учреждений, таких, как Всемирный банк, навязывая влияние так называемого Вашингтонского консенсуса. Гегемония этой формы мышления привела к эффекту «субалтернизации», подмене критических социальных категорий. Пожалуй, самым ярким примером этому можно считать подмену категории неравенства категорией бедности.

Но есть и позитивные явления - в 1990-е годы был сформирован Колледж перуанских социологов - ассоциация, объединившая профессионалов. Колледж стал референтной средой для социологов и социологии. Еще на этапе становления, колледж внес существенный вклад в развитие профессиональной среды, не только объединив вокруг себя профессионалов, но и наладив сертификацию специалистов по применению социологии к новым областям и видам деятельности.

> Социология в эпоху возвращения к демократии

Возвращение Перу к демократии в 2000 году совпало с левым поворотом в Латинской Америке, что имело как культурные, так и политические последствия. В других странах Латинской Америки открылись пространства для развития социальных наук, особенно социологии, но в Перу, где демократия не сопровождалась «полевением» политики (по крайней мере, до последних выборов, в этом, 2011, году) это произошло в гораздо меньшей степени. Напряженность между технократическим поворотом 1990-х и критической социологией нарастает, и выхода из этого противостояния пока не видно. Парадоксально, но в академических дискуссиях представители технократического поворота склонны придерживаться определенной бескомпромиссной позиции, защищая точку зрения на социологию как продолжение естественных наук. Критической социологии, таким образом, остается довольствоваться ограниченной ролью в пространстве интеллектуальной дискуссии. При этом за последние годы все-таки появились и развились новые идеи, преимущественно в рамках студенческих, магистерских и докторских программ, коих в стране за последние пятнадцать лет появилось множество. Как и в период первоначального развития университетских специализаций в 1970-е, качество этих программ разнится. Тем не менее, было защищено несколько хороших магистерских и докторских диссертаций, основанных на интересных исследования по городской социологии, культуре и гендерным исследованиям. Похоже, идеи марксизма-ленинизма окончательно канули в лету и более неспособны влиять на происходящее

Отдельно важно отметить новую парадигму, продвигаемую Анибалом Кихано, который, в свою очередь, вдохновляется идеями Иммануила Валлерстайна. Это парадигма «колониального характера власти», которая считается продолжением работы Хосе Карлоса Мариатеги. Кихано утверждает, что Перу развивается тип капитализма, навязанный странам Латинской Америки метрополией и обрекающий их на постоянную вспомогательную роль. Основанное на старых представлениях о национальных государствах, государство не в состоянии соотнести себя со своими собственными гражданами и поддерживает евроцентричную и, главным образом, эволюционистскую точку зрения. По мнению Кихано, проект модернизации, основанный на идеях марксизма-ленинизма, провалился. Он предлагает рассматривать Латинскую Америку как часть глобального Юга, что позволит вернуть идентичность ее жителям и создать собственные формы политики и экономического развития. Принимая во внимание возникающее новое окно автономии для этой части мира, сейчас эти идеи оказываются особенно актуальны. Помимо Кихано, есть и другие социологи, которые также участвуют в восстановлении дисциплинарного поля: Сезар Жермана в области методологии; Синесио Лопес в политике и, в частности, исследованиях гражданства, Гонсало Портокарреро и Педро Пабло Ссопа в сфере образования и культуры, и Альберто Адрианзен, исследующий латиноамериканский левый поворот.

Заключение

Перуанская социология как пространство академической мысли и как профессия развивалась неравномерно и ограниченно. Доминирующие направления дискуссии все еще находятся на первоначальной стадии развития и, как правило, связаны с именами отдельных интеллектуалов. Институциональное развитие социологии в значительной степени ограничивается областью университетского преподавания и, в основном, на уровне введения в дисциплину. В стране нет ни исследовательских центров по социологии, которые заслуживали бы упоминания, ни проектов, объединяющих различных ученых. Тем не менее, перуанская социология преодолела угрозу уничтожения, маячившую над ней в 1980-е и 1990-е, в годы господства марксизма-ленинизма и неолиберализма. Выживание в условиях угрозы существованию дисциплины позволило социологии возродиться в конкретных областях исследований и разработать особые ниши профессиональных знаний. И, что самое главное, сегодня социология по-прежнему сохраняется как форма критического знания. Если ей удастся в полной мере воспользоваться происходящими переменами контекста, перуанская социология сможет найти возможность внести вклад в новую региональную автономию и новую форму развития в Латинской Америке в целом, отмеченную прогрессивным поворотом в культуре и политике. Здесь кроются возможности для исследования новых путей и расширения горизонта.

> Ульф Химмельстранд, 1924-2011 – отец социологии в Нигерии

Айдоле Самуэль Егеде, Профессор, Руководитель факультета социологии, Университет Ибадана, Нигерия; член MCA

В память об Ульфе Химмельстранде. Фото Ayodele Samuel Jegede.

Умер Ульф Химмельстранд (1924-2011), отец социологии в Нигерии. Химмельстранд умер в возрасте 87 лет в своем родном городе, Упсале, в Швеции. Он родился и провел большую часть детства в Индии, где его отец был миссионером шведской церкви; часть его учебы также прошла в Швеции, что неизбежно наделило его несколько маргинальным статусом в обеих странах. Дальше академический выбор увлек его в другие страны и в места, переживавшие в то время радикальные социальные потрясения, - в Нигерию во времена Биафранской войны и в Калифорнию на взлете студенческой революции 1960-х годов. Этот опыт оказал глубокое влияние на его путь в социологии. Как подающий надежды ученый, в 1960 г. Химмельстранд защитил докторскую диссертацию на тему «Социальное давление, аттитюды и демократические процессы». До защиты он работал преподавателем в Университете Упсалы, затем стал доцентом (1960-1964), а вскоре был назначен первым главой факультета социологии и профессором в Ибаданском университете, Нигерия.

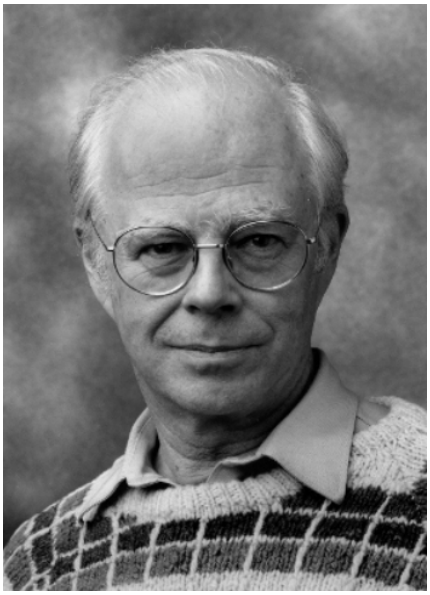
До обретения Нигерией независимости в 1960 году и на протяжении еще нескольких лет после этого социология в Нигерии практически не существовала. Единственное, что было тогда, это курсы по колониальной социальной антропологии, преподаваемые в Ибаданском университете и Нигерийском университете в Нсукке. В числе смелых стратегий, предложенных Кеннетом Дайком, первым вице-ректором Университета призванных приблизить уровень преподавания в Ибаданском университете к мировым стандартам, был план деколонизации социальной антропологии и введения стандартной социологии. Работая с командой из Фонда Рокфеллера, Дайк рекрутировал сорокалетнего шведского социолога с внушительным имененем, Ульф Химмельстранд, на позицию первого главы факультета социологии университета. До приезда в Нигерию Ульф был известен своими исследованиями на Шри-Ланке и в Швеции. В августе 1964 г. он прибыл в Ибадан, где встретился с двумя замечательными учеными, Фрэнсисом Олу Океджи и Альбертом Имохайосеном. Вскоре к ним присоединились британский социальный антрополог Рут Мюррей и американский социальный психолог Пол Хэа. Ульф принял бразды правления у Питера Ллойда, возглавлявшего подразделение до 1960, когда социология была выделена из экономического факультета, и впоследствии заложил основу для развития в университете социологической науки на самом высоком уровне. Первыми аспирантами Химмельстранда стали Питер Эке и Стивен Имуагене, ныне известные профессора.

Ульф Химмельстранд привлек в социологию многих студентов. Прежде всего, он деколонизировал учебную программу и привел ее к в соответствие с базовым социологическим каноном, в рамках которого отношение к нигерийским культурам было куда более уважительным. С самого первого года в Ибадане Ульф принес в университет то, что обычно вызывает особую радость у университетской администрации: международные исследовательские программы и в комплекте с ними – стимулирующее финансирование. Летом 1965 г. факультет социологии Ибадана организовал международный семинар по изучению политической культуры, который привлек известных исследователей из США, Латинской Америки, Европы и Азии, в том числе лидеров в этом направлении: Сиднея Вербу (Стэнфорд) и Роберта Соммерса (Беркли). Нигерийскую группу изучения политической культуры, запущенной этим семинаром, возглавил Химмельстранд, и это стало первым крупномасштабным социологическим проектом в Нигерии. Полевые исследования в рамках этой программы в 1965-67 году охватили все регионы страны. К счастью, традиция широкомасштабных исследований прижилась на факультете и продолжается по сей день. Химмельстранд был наставником нескольких (тогда) молодых ученых, которые сегодня известны во всем мире. Профессора Питер Эке , Стивен Имуагене, Экундайо Акередолу-Але, Самсон Оле, Сими Афония, Адезува Эмовон, Мартин Игбозурике и Лайи Эриношо были первым набором, сформированным этим эрудированным шведом. Профессора Адигун Агбадже и Эгоза Осаге работали с ним позже над созданием книги “Африканские перспективы развития” (1994). Он оказал огромное влияние в своей профессии; был президентом Международной социологической ассоциации (1978-82) и приложил все усилия, чтобы Всемирный конгресс MCA 1978 г. прошел в его родном городе Упсала.

До самой смерти он оставался африканистом, теоретиком, позитивистом и, в некоторой степени, марксистом с упором на социальную психологию. Химмельстранд был настоящим ученым мирового масштаба, сопричастным к жизни многих людей. В 1989 году он стал почетным профессором социологии Упсальского университета. Ульф Химмельстранд был похоронен 12 июля в своем родном городе. Пусть его душа покоится сс миром!

> В память об Ульфе Химмельстранде

Маргарет Арчер, Университет Уорвика, ВБ; б.президент МСА (1986-1990)



Ульф Химмельстранд, 1924-2011.

Со смертью Ульфа Химмельстранда 8 июня 2011 г. мировая социология потеряла одного из своих самых добрых и преданных друзей. Для него «глобализация» не была лишь концепцией или причиной - это было то, чем он жил. Он никогда не навязывал свою биографию другим, и поэтому свидетельства о его преданном служении социологии должны быть собраны воедино из рассказов тех, кто его знал.

Верность Ульфа науке особенно ярко проявилась в его работе в университете Ибадана в середине 1960-х. Его любовь к Африке и, в частности, к Нигерии была очевидной; при этом все, что было сделано им для Нигерии, он сам никогда бы не охарактеризовал в грандиозных терминах «деколонизации антропологии и социологии». Тем не менее, это была именно деколонизация, осуществляемая через преподавание, исследовательскую деятельность и ревизию учебных программ, но в неменьшей степени через его последовательную помощь целому поколению ярких молодых нигерийских ученых на протяжении всей их карьеры. Питер Эке отдал дань этой непрекращающейся поддержке в написанном им некрологе (The Guardian 26.06.2011); то же самое могут сказать и многие другие.

Эта любовь африканиста к Африке была непоколебимой. Когда почти четверть века спустя в один из частых визитов его ограбили и серьезно ранили, его последующие письма не содержали ни слов жалости к себе, ни обвинений - лишь спокойные, практичные рассказы о том, как он вновь учится управляться с клавиатурой и старается продолжать работу.

Еще задолго до того, как Роланд Робертсон ввел термин “глокализация”, Ульф проживал ее в собственном опыте в своей непрерывно действующей глобальной сети, запущенной из маленького города Упсала и включающей нигерийских друзей, посещающих его регулярно. Поэтому, будучи президентом Международной социологической асссоциации (1974-78), он был особенно заинтересован в проведении Всемирного конгресса 1978 года в Упсале, в местечке, которое, кроме конгресса, казалось, вообще больше ничего не могло вместить! Он хотел, чтобы это стало незабываемым событием, являющим международную социологию Швеции и Скандинавии в целом. Помимо прочего, он еще был страстным теоретиком, критически настроенным как к современному функционализму, так и к марксизму, и поэтому изюминкой конгресса должна была быть дискуссия между Парсонсом и Пуланцасом.

Дискуссия была назначена на вечер и должна была проходить в большой, но удаленной аудитории. К сожалению, когда сотни участников дошли сквозь дождь до этого места, председатель взял на себя неприятную обязанность зачитать две телеграммы от обоих гигантов, объясняющие свою невозможность присутствовать на заседении. Снова раскрылись зонтики, и мы начали обратный путь сквозь ливень. Мокрая насквозь, и все еще далеко от цели, я заметила медленно следующую за мной машину, с раздражением подумав о неуместности сейчас уличного знакомства. Вскоре автомобиль поравнялся, и Ульф - а это был он - спас меня от стихии, а после поехал дальше проверять, как обстоят дела у его промокшей отары.

Когда Ульф был президентом МСА (1978-82), я работала в Комитете по публикациям и потому находилась с ним в тесном контакте. Совещания Исполнительного комитета затягивались за полночь, и чем меньше времени оставалось на сон, тем горячее были дебаты. Лишь двое из президентов, с которыми я работала, могли нейтрализовывать потенциальные взрывы своей мягкой разумностью: Том Боттомор и Ульф Химмельстранд. У Ульфа был особый прием, помогавший ему в этом. То были безвозратно ушедшие времена всеобщего курения, и Ульф садился перед своим аккуратно разложенным арсеналом для раскуривания трубки, состоящим из: стойки из восьми трубок, различные достоинства которых я никогда не понимала; необходимого оборудования для протыкания и прочистки (смысл которых тоже от меня ускользал); и разных банок с табаком. Это были аксессуары функциональной обрядности, имеющей мало общего с желанием подымить в конференц-зале. Рациональный актор вполне мог бы усомниться нвобходимости столь сложного аппарата для удовлетворения физиологической потребности. Но дело было не в этом. Когда нервы у всех были уже на пределе, Ульф начинал копаться в трубке с особой тщательностью, а после поднимал глаза, чтобы мягко озвучить свои предложения по достижению консенсуса. На протяжении всех этих лет я никогда не слышала, чтобы он повысил голос, и его предложения были не просто примиряющими – они помогали нам двигаться вперед.

Для Ульфа коллегиальность подразумевала дружеские онтошения. Неформальное общение было не менее важно, чем встречи на официальных мероприятиях. Однажды когда он читал лекции в Англии, он навестил меня в пригороде Оксфорда. Он приехал на велосипеде из Открытого университета, проделав около 60 миль., Верный шведскому этикету, Ульф приподнес мне подарок. Это было пасторальное стихотворение на английском языке, воспевающее живые изгороди северного Оксфордшира, которое он сочинил по дороге. И еще долго после его визита всякий раз, когда кто-то на велосипеде приближался к дому, мои маленькие сыновья вбегали в кабинет с возбужденными криками «Ульф, Ульф вернулся!» Ульф никогда не забывал о дружбе. Он первым поздравил меня, когда я сошла с подиума, зачитав свое Президентское обращение в Мадриде (1990), и, как всегда, это были не цветистые комплименты, а теплое медвежье объятие. Мне попадались его щедрые рецезии на мои работы, которые он никогда не анонсировал и не пересылал. При этом, в отличие от других, он действительно прочитывал каждую книгу от начала до конца.

Теперь он ушел о нас и оставил меня с горьким чувством сожаления, что я никогда не говорила ему, насколько ценной для меня была его дружба. Если этот небольшой рассказ в его память получился в большей степени о личных качествах Ульфа, а не о масштабе его вклада в социологию, то это потому, что, как мне кажется, величайшим достижением, которое только возможно и которое надолго останется в нашей памяти, это быть признанным всеми добрейшим из людей.

> Вызов патриахату на Южном Кавказе

Гохар Шахназарян, Ереванский Государственный Университет, Армения

Пикет в Ереване в Международный День борьбы с насилием против женщин. Фото Г. Шахназарян.

Распад Советского Союза в 1991 году ознаменовал начало нового времени для женского движения Армении и всего Южного Кавказа. При содействии международных организаций и фондов был учрежден целый ряд неправительственных женских организаций. В 2003 году мы создали группу молодых женщин из Армении и армянской диаспоры для обсуждения проблем, с которыми сталкиваются женщины в Армении, Грузии и Азербайджане. Поскольку офиса у нас не было, мы обычно собирались в книжном магазине-кафе Artbridge в центре Еревана. Спустя год было решено создать пространство, в котором молодые женщины, недовольные своим положением – тем, что их притесняют, не слышат, с ними не считаются - имели бы возможность встречаться, обсуждать свои проблемы и думать сообща над их решением. Это пространство стало первым ресурсным центром для молодых женщин в постсоветской Армении. Сначала центр был расположены в кампусе Ереванского государственного университета и функционировал как консультационный пункт для девушек-студенток. Но вскоре университетская бюрократия стала чинить препятствия - требовать покидать здание в 6 часов вечера, запрещать обсуждение отдельных тем, таких как сексуальность, сексуальное здоровье и проблемы сексуальных домогательств в университете. Поэтому мы были вынуждены выехать из университета и зарегистрироваться как независимая неправительственная организация, которую мы назвали «Женский ресурсный центр» (www.womenofarmenia.org). С 2006 года центр располагается в центре Еревана и открыт для женщин всех возрастов, образования, сексуальной ориентации и социальных слоев.

Многие познакомились с нами через наши ежемесячные стажировки по правам женщин, на которых мы обсуждаем

>>

разные вопросы, в том числе, проблемы дискриминации в отношении женщин в Армении и различных частях мира, историю армянского женского движения, связи между патриархатом, властью и насилием в отношении женщин и о социальных и культурных основах гендерного строительства. Помимо образовательных семинаров, курсов и публикаций, мы также стараемся бороться с апатией и безразличием постсоветской молодежи, организуя различные пропагандистские мероприятия, уличные шествия, выставки и фестивали. Кроме этого, мы мобилизуем людей на обсуждение и решение многочисленных гендерных проблем Армении и всего региона Южного Кавказа (в том числе Грузии, Азербайджана и трех зонах конфликта - Нагорного Карабаха, Южной Осетии и Абхазии).

Как правило, наши мероприятия касаются спорных и табуированных тем, таких как женская сексуальность, девственность и сексуальное насилие в отношении женщин. Так, например, в 2008 году мы организовали художественную акцию под названием «Похороны красного яблока». Ритуал «красное яблоко» - это патриархальный ритуал контроля над женским телом и сексуальностью, все еще весьма распространенный в маленьких городах и сельской местности Армении. В соответствии с ритуалом семья невесты и родственники мужа посещают молодую семью на второй день после свадьбы, чтобы убедиться в том, что невеста выходила замуж девственницей. Как символ девственности невесты, они приносят с собой корзину красных яблок.

Мы также стремимся к признанию и повышению роли женщин в миротворческих процессах. Это чрезвычайно важно для Южного Кавказа, где с 1990 года произошло три жестоких войны, и даже нынешнюю ситуацию можно охарактеризовать как положение «ни войны, ни мира». Как следствие тех войн, мы сталкиваемся с тысячами одиноких женщин и матерей, а также беженцев, страдающих от депрессии и посттравматического стрессового синдрома. Нашим вкладом в решение этой проблемы было открытие филиала центра в Нагорном Карабахе, предоставляющего женщинам психологическую поддержку и медицинские консультации. Мы также пытаемся развивать деловые связи, чтобы помочь женщинам с продажей продуктов собственного изготовления. В попытках уменьшить послевоенную разобщенность, неприязнь и недоверие и навести мосты, мы проводим встречи в нейтральных местах, таких как Стамбул и Грузия, где могут встречаться, в том числе, армяне и азербайджанцы.

В этом году вместе с коллегами из Грузии и Азербайджана мы организовали публичное чтение знаменитых «Монологов вагины» на армянском, азербайджанском и грузинском языках, и даже их некоторых диалектах. Мероприятие состоялось в Тбилиси, столице Грузии, в феврале 2011 года. Мы очень опасались, что общественная реация будет негативной, но, к нашему большому удивлению, акция была воспринята очень хорошо; женские истории о насилии и дискриминации, о теле и сексуальности пришло послушать очень много женщин и мужчин. Как сказал один из участников: «Было просто невероятно слышать по-разному звучащие языки бок о бок друг с другом; слушать рассказы о сексуальности, теле, родах, изнасилованиях, телесных открытиях, и так далее из уст разных женщин, но с очень похожими и взаимосвязанными жизненными историями и опытом. Создавалось впечатление, что сам акт речи (произнесения этих текстов) разрушил границы между тремя странами». Одним из наших самых последних достижений, которым мы очень гордимся, стало внесение изменений и поправок в Закон о сексуальном насилии армянского Уголовного кодекса. Проект в настоящее время обсуждается в Парламенте, и мы очень надеемся, что во время осенних слушаний поправки будут приняты. Согласно действующему закону - который чрезвычайно слаб - сексуальное насилие не классифицируется и не наказывается в той степени, как наказываются другие тяжкие преступления. Конечно, мы встречаем на своем пути множество препятствий, в значительной степени потому, что всегда позиционируем себя как феминистки, что автоматически делает нас «радикальными» или «женщинами, бросающими вызов традиционной патриархальной семье». Как правило, люди очень удивляются, узнав, что женское движение в Армении - это вовсе не импортированный из США или Европы продукт, а местная традиция, имеющая глубокие корни в истории Армении, уходящие в VI и VII века, когда равенство мужчин и женщин было закреплено в своде законов. Наряду с враждебностью населения в целом, мы также сталкиваемся с напряженностью внутри самого женского движения. К сожалению, почти повсеместно в постсоветском мире существует «монополия» на женское движение, «учрежденная» женщинами, бывшими когда-то активистками Коммунистической партии, а сейчас работающими в негосударственном секторе. В результате в большинстве постсоветских стран, включая страны Южного Кавказа, современное женское движение слишком часто воспроизводит элементы советского патриархата и соответствующий ему авторитарный стиль руководства, что, среди прочего, выражается в сильном сопротивлении новаторским идеям и концепциям.

Существует также большой разрыв в понимании таких понятий, как «общественная организация», «низовая (grassroots) организация» и «социальный активизм» между представительницами старшего поколения, бывшими активистками Коммунистической партии, которые в настоящее время руководят женскими неправительственными организациями, и более молодыми женщинами, стоящими на более эгалитарных и менее иерархических позициях в отношении демократии, активизма и социальных перемен. Таким образом, наша главная цель как неправительственной организации заключается в укреплении позиции и уверенности в себе молодых женщин с тем, чтобы они могли участвовать в повышении уровня информированности, лоббировании и информационно-пропагандистских кампаниях за права женщин и гендерное равенство. Таковы семена нового женского движения на Южном Кавказе - движения, основанного, с одной стороны, на развитии демократических ценностей и принципов, и, с другой стороны, на признании этнических и культурных особенностей гендерных отношений и прав женщин.

> Очертания будущего гуманитарных и общественных наук: взгляд из Южной Африки

Ари Ситас, Университет Кейптауна, б.вицепрезидент МСА (2002-2006) и Сара Мосоэца. Ун-т Уитуатерсранда, ЮАР

Министр высшего и профессионального образования Южной Африки Бладе Нзиманде поручил социологам Ари Ситасу и Саре Мосоеца обрисовать будущее гуманитарных и социальных наук и внести предложения по их развитию. «Глобальный Диалог» попросил социологов резюмировать свое видение для этого выпуска. Полный отчет и комментарии можно найти на сайте www.charterforhumanities.co.za.

В период, когда гуманитарные и общественные науки во всем мире испытывают сильное давление, Южная Африка разрабатывает новую Хартию гуманитарных и социальных наук (ХСГН), обещающую вдохнуть новую жизнь во многие области высшего образования в этой сфере. Департаментом высшего образования Южной Африки были учреждены рабочая команда и референтные группы. При разработке Устава мы старались не утонуть в потоке существующих проблем. Мы не хотели останавливаться лишь на проработке прошлого, несомненно необходимой для осмысления режима апартеида и уничтожении его наследия. Нашей задачей было скорее предложить видение и новую архитектуру гуманитарных и социальных наук, адекватную требованиям будущего.

После падения апартеида и реализации первоочередных мер для организации педагогики и научных исследований, необходимой для образования третьей ступени в стране, на передний план вышло решение вопроса, признанного жизненно необходимым. Именно в этой время Мануэль Кастельс написал во введении в третий том Информационной эпохи (1998): «В планетарном масштабе сформировалась динамичная, глобальная экономика, связывающая ценных людей и виды деятельности по всему миру и одновременно отключающая от сетей власти и богатства тех людей и территории, которые с точки зрения главенствующих интересов расцениваются ненужными». Как видим, Кастельс обрисовал весьма мрачные перспективы для тех, кто останется прозябать в «четвертом мире», для новых исключенных, нижнего слоя цифрового разделения. Южноафриканские лидеры сочли саму возможность погружения в «черные дыры информационного капитализма» немыслимой, и потому они поставили перед собой главную непреложную цель - избежать этой участи любой ценой. Для многих - тех, кто потребовал отхода от афро-пессимизма - императивом стало спасение себя от самих себя. Следствием этих настроений стала разработка политических механизмов, которые выдвигают в качестве приоритетов развитие науки и технологии и направляют академические исследования и разработки на службу экономическому развитию и росту.

Как следствие этого, гуманитарные и социальные науки оказались в незавидном положении: их значение было преуменьшено, а поддержка ослаблена. Это политическое развитие нашло отражение в изменении существующей модели финансирования, с явным креном в сторону того, что Джон Хиггинс назвал STEM-моделью (по первым буквам английских слов science, technology, engineering and management - наука, технология, инженерия и менеджмент), ориентированной на продуктивность исследований - модели, нечувствительной к гуманитарным и социальным наукам. В настоящее время ведется активная дискуссия о следствиях этого перекоса, идущая параллельно с набирающей силу критикой последствий «корпоратизации» высшего образования в глобальном масштабе. Обсудив проблемы с более чем тысячей коллег во всех высших учебных заведениях, а также заинтересованными лицами в правительстве и гражданском обществе, мы укрепились в убеждении, что гуманитарные и социальные науки должны стать хранилищем наследия, истории, памяти и идентичностей Южной Африки на ее пути к миру, процветанию, безопасности и социально-экономическому благополучию. Внимательно рассмотрев и проанализировав полученную информацию, мы вывели ряд рекомендаций, основанных на разумных, по нашему мнению, принципах. Мы предложили шесть ключевых мероприятий, которые будут происходить в два этапа – 1-й этап: 2012-2015, 2-й этап: 2015-2018.

- Создание Академии/Института гуманитарных и социальных наук - целевого учреждения, направленного на стимулирование отдельных областей исследований. Инструментом для реализации этой цели должно послужить создание пяти виртуальных начальных школ на первом этапе и четырех таких школ на втором. Каждая школа будет располагаться в определенной провинции.
- Создание общеафриканской программы «Ренессанс» (African Renaissance Program), африканского аналога программ Европейского Союза «Socrates" и «Erasmus".
- Формирование Национального центра непрерывного образования и образовательных возможностей для создания и сохранения равных прав, равных возможностей трудоустройства и доступа к рынку труда.
- На первом этапе консолидация шести проектов-катализаторов, призванных оживить отдельные области гуманитарных и социальных наук. Создание рамочных механизмов и новых схем интеграции дисциплин социального и гуманитарного знания.

Мы убеждены, что реализация этих рекомендаций к 2030 году сделает гуманитарные и социальные науки эпицентром знания, педагогики, общественного участия и социальной ответственности в Африке. Мы также предполагаем, что наши институты и академические сообщества смогут стать равноправными партнерами в процессе производства и распространения мирового знания, наряду с передовыми центрами Севера и глобального Юга. Признавая, что высшее образование и исследования играют решающую роль в социально-экономическом развитии всех обществ, мы будем прокладывать пути, которые позволят нашей системе превратиться в значимого агента перемен. Все вышесказанное - намерение стать динамическим центром на континенте, партнерами в глобальных инициативах и ключевым энергетическим центром идей прогресса и перемен - играет центральную роль в нашем видении. И мы рады, что CODESRIA (Совет по развитию социальных исследований в Африке) видит развитие этого процесса в создании Пан-Африканской Хартии гуманитарных и социальных наук.

> Социологи в начале профессиональной карьеры и их положение в МСА [1]

Эмима Порио, Афинский Университет в Маниле, член Исполкома МСА, 2006-2014

Сразу после XVII Всемирного социологического конгресса МСА в Гетеборге в 2010 г. тогда только что выбранный президентом Майкл Буравой учредил специальный подкомитет для изучения положения в МСА социологов, начинающих профессиональную карьеру (early career sociologists). Ниже приводится краткая справка, составленная по результатам опроса студентов-членов МСА и доклада подкомитета, представленного на заседании Исполнительного комитета в Мехико (23-25 марта 2011 года).).

> Источники данных. Отчет подкомитета основан на следующих источниках: 1) электронный опрос студентов-членов МСА (опрос был проведен секретариатом МСА, получено 30% ответов); 2) список победителей конкурса лаборатории докторантов (PhD laboratory winners) за 2000-2009 гг. и их последующий статус членства в МСА; 3) мнения бывших членов лаборатории докторантов, членов и нечленов Молодежной социологической сети (МСС) (Junior Sociology Network, JSN); 4) электронная группа МСС; 5) интервью с организаторами лаборатории докторантов; 6) коммуникация лидеров МСС с президентами МСА Мишелем Вьевьоркой и Майклом Буравым. Электронный опрос включал основные социально-демографические показатели (возраст, пол, год окончания аспирантуры, email и почтовый адрес, страна и год получения высшего образования и текущая ситуация с трудоустройством.

Кто же они -члены МСА, начинающие свою профессиональную карьеру? Из 5053 членов МСА, 830 или 16% являются начинающими социологами. Это члены МСА, которые платят студенческие взносы и либо работают над магистерскими или докторскими (PhD) диссертациями, либо недавно закончили обучение. Они остаются в категории студентов в течение максимум четырех лет по окончании последней ступени обучения. Что касается экономической классификации по странам происхождения, схема распределения соответствует схеме общего членства в МСА: 507 человек из стран категории А, 245 из стран категории В и 78 – из стран категории С.

В числе 253 членов МСА, принявших участие в опросе, было 138 женщин (56%) и 115 мужчин (45%). Большинство из них (80%) - докторанты (PhD students), остальные недавно защитили докторские (14%) и магистерские диссертации (14%). Только один респондент в настоящее время получает степень бакалавра социологии. Большинство аспирантов учатся в аспирантурах страны своего происхождения. У большей части докторантов (54%) и тех, кто закончил докторские диссертации (78%) есть стабильная работа, в отличие от магистров, половина которых не имеют постоянного рабочего места.

Потенциал рекрутирования в МСА составляют участники участники лаборатории докторантов МСА (130) или победители и финалисты Всемирного конкурса молодых социологов (около 45). Но из 130 участников лабораторий докторантов (2000-2009) только половина (64) когда-либо присоединялись к МСА и только 34 сохранили свое членство по состоянию на ноябрь 2010 года.

На XVI Всемирном конгрессе (Дурбан, 2006), участники молодежной социологической секции МСА организовали Молодежную социологическую сеть (Junior Sociological Network, JSN). С тех пор сеть активно работает - например, над организацией специальных сессий для молодых социологов на Барселонском форуме 2008 г. и Всемирном социологическом конгрессе 2010 в Гетеборге. При этом молодежная сеть, как, впрочем, и все остальные, сталкивается с трудностями в организации сессий и поиске ресурсов для участия членов сети в масштабных социологических событиях. Участники сети высказали пожелание, чтобы их деятельность получала большую поддержку и была лучше интегрирована в глобальные мероприятия МСА.

На основе электронного опроса и интервью с членами МСС, подкомитет рекомендовал МСА принять следующие меры:

1.Организовывать прием начинающих социологов на глобальных мероприятиях МСА (например, на форуме в Буэнос-Айресе 2012 г и Всемирном конгрессе социологов в Йокогаме в 2014, с возможностью встретиться с руководством МСА и другими социологами, имеющими вес в профессиональном сообществе.
2.Организованные МСС сессии должны быть интегрированы в программу мероприятий МСА.
3.В программу глобальных мероприятий МСА всегда должны быть включены семинары и рабочие встречи по вопросам профессионализации (как публиковаться в реферируемых журналах, как писать обзорные статьи и т.п.) для начинающих социологов.
4.Руководство МСА должно побуждать исследовательские комитеты, тематические и рабочие группы, национальные ассоциации и других коллективных членов активно поддерживать начинающих социологов, в особенности на конференциях МСА, форумах и конгрессах. (Статистика МСА показывает, что большинство структур действительно предоставляют поддержку членам МСА из стран категории В и С, а в особенности начинающим социологам, например, через выдачу грантов на поездки на мероприятия МСА).
5.Организаторы лаборатории докторантов МСА и Всемирного конкурса молодых социологов должны побуждать участников к вступлению в МСА.
6.Секретариат должен отмечать начинающих социологов, участвующих в мероприятиях МСА и прилагать усилия, чтобы их связь с МСА в будущем сохранялась.
7. Уставные документы МСА должны быть пересмотрены для признания важности интеграции начинающих социологов в МСА.

> Женские миры

Энн Денис, Университет Оттавы, Канада, президент ИК05,
бывший вице-президент МСА по исследованиям 2002-2006

Международная междисциплинарная конференция, посвященная положению женщин, "Женские миры" проводится каждые три года в различных частях мира. В этом, 2011 г.,она проводилась совместно Карлтонским университетам и университетом Оттавы, при поддержке университета Квебека и Оттавы (Université du Québec en Outaouais) и университета Сен-Поля (St. Paul University). Конференция проходила в Оттаве-Гатино, 3-7 июля. 2000 регистраций, около 800 докладчиков и участники из 92 стран мира подчеркивают международный размах конференции; ежедневные пленарные заседания были дополнены множеством параллельных сессий (часто до 30 сессий в каждом из 3 временных интервалов в течение дня). Участники, принадлежащие к академическому и активистскому сообществам, опирались на различные представления о феминизме и о вопросах включения (inclusion) женщин (или его отсутствии). Конференция предоставила богатые возможности для диалога и обмена мнениями.

Общей темой конференции стала следующая: «Связывая и общаясь. Включение, исключение, изоляция: живя в глобализованном мире » (Connect, converse. Inclusions, exclusions, seclusions: living in a globalized world). Таким образом, разнообразие и международный аспект были заложены в самой теме конференции. У каждого дня также была своя тема: разрушение институциональных циклов, разрушение потолков, разрушение барьеров, подрыв основ - иными словами, был в тематике конференции был освещен широкий спектр вопросов, от вызовов и ограничений, с которыми сталкиваются женщины, до инноваций, необходимых для построения более включающего (inclusive) и уравнивающего будущего. В рамках каждой из этих широких тем фокусами сессий стали такие важные и разнообразные темы, как микрокредиты, ВИЧ-СПИД, насилие в отношении женщин, женщины и искусство и многое другое. На некоторых сессиях представлялись традиционные для конференций доклады, другие были построены на общении участников по заданному кругу вопросов (таким был формат всех пленарных заседаний), в третьих организаторы вели фокусированную дискуссию/рефлексию со всеми присутствующим, а где-то представлялись отчеты об инициативах, ориентированных на стимулирование большей автономии или участия женщин.

> "…богатейшая возможность общения и обмена мнениями "

Отличительной особенностью «Женских миров – 2011» было то, что на этот раз конференция была триязычной – сессии проходили на английском, французском и испанском языках. Обеспечивался перевод, но, в основном, на пленарных заседаниях. Некоторые сессии проходили на двух языках (если нужно, с неформальный переводом), а некоторые шли исключительно по-французски или по-испански. Также эта конференция уделила особое внимание людям с ограниченными возможностями (например, на сессиях был предложен перевод на язык жестов и нуждающимся были предоставлены инвалидные кресла), включению в дискуссию молодых женщин и женщин-представительниц коренных народов. Все эти моменты были отражены в программе и процессе организации конференции. Ориентация на включение всех и представление разнообразия, подкрепленные консультациями с референтными группами из каждого из этих сообществ, были очевидны и последовательно выполнялись с начала организационного процесса и до конца конференции. И, наконец, это была конференция, в которой приняли участие и вели диалог представительницы как академического, так и активистского сообществ, и которая была по своему масштабу действительно очень международной.

Я сосредоточила внимание в большей степени на организации конференции, а не на содержании презентаций, надеясь, вместо рассказа о выборочных сессиях, которые мне удалось посетить, хоть немного передать саму атмосферу конференции.

Члены ИК 32 МСА, «Женщины в обществе», приняли в «Женских мирах – 2011» активное участие: в дополнение к организации неформального ланч-семинара для обмена новостями о недавних и планируемых мероприятиях и информационного стола на Базаре ЖМ – 2011, глава комитета 32, Эви Тастсоглу), распространила список (который сейчас размещен на странице МСА для ИК 32) участников ИК32 в «Женских мирах». Все это помогло нам познакомиться и пообщаться друг с другом, а также продемонстрировать работу ИК 32.

Для получения дополнительной информации о «Женских мирах», в то числе, видеоклипы и дискуссионный форум, а также полную программу - которая дает более полное представление о докладчиках и темах, чем то, которое предложила я - см. http://www . womensworlds.ca . Следующая конференция будет через три года, в 2014 г., и я уверена, что она будет такой же воодушевляющей и плодотворной, как и те четыре, в которых мне довелось принимать участие.

> Бразильская социология становится все сильнее и сильнее

Элиза П. Рейс, Federal University of Rio de Janeiro, Brazil, and former member of the ISA Executive Committee 2006-2010

Собрание Бразильского социологического общества в Куритибе
Фото Э.Рейс.

26-29 июля 2011 г. в Куритибе состоялся XV конгресс Бразильского социологического общества (БСО). Около двух тысяч социологов собрались в столице штата Парана, - хорошо известного успешной реализацией инновационных городских программ – чтобы обсудить «Перемены, вопросы преемственности и социологические проблемы», как было заявлено в теме встречи. Как отметила президент БСО Чели Скэлон в своей вступительной речи, принимая во внимание, что наша дисциплина постоянно оспаривается историческим контекстом, тема конгресса приглашает участников пересмотреть и оценить наши теоретические и методологические ресурсы, чтобы быть лучше подготовленными для выполнения общественной роли социологии.

Программный комитет подготовил прекрасную подборку тем и подходов, привлекая к дискусии бразильских социологов со всех концов страны, а также зарубежный коллег. Темы пленарных выступленний касались широкого круга вопросов. Доклады Маргарет Арчер, Шейлы Бенхабиб, Роберта Маре, Тома Дуайер, Уэрнека Вианна и Марии Назарет Уандерли инициировали оживленные теоретические, методологические и политические дискуссии. Уэрнек Вианна, один из двух социологов, награжденный премией «за карьеру длиною в жизнь» (life-time career prize), в своем выступлении «Общество, политика и право» говорил о задачах, выполняемых правовыми институтами и процедурами при прежнем авторитарном пути Бразилии к развитию и при новом демократическом пути последних десятилетий. Мария Назарет Уандерли, также получившая премию, говорила о теоретических и политических вопросах социологии деревни.

В целом программа включала в себя шесть пленарных докладов, семь специальных сессий, семь форумов, три спецкурса, 31 круглый стол и множество секций, организованных 32 исследовательскими комитетами, а также большую панель студенческих постер-презентаций и несколько культурных мероприятий. Особенно хосется отметить большое число молодых специалистов и студентов, которые своим энтузиазмом и приверженностью науке очень оживляли дискуссию.

Основанное в 1950 году небольшой группой социологов, бразильское социологическое общество прошло большой путь. После периода мощных политических потрясений работа БСО была возрождена при первых признаках демократизации в конце 1970-х . С тех пор число его членов, равно как и институциональная роль неуклонно возрастает. Как бывший секретарь БСО, я считаю, что с 1980-х годов ассоциация достигла значительных успехов. Конгресс доказал, что бразильская социология развивается при поддержке ассоциации, которая глубоко осознает свои национальные обязательства и гордится членством в мировом сообществе ученых.